

УДК 94 (47)

EDN WSAOSV

Научная статья

<http://centrniign.ru>

ISSN 2307-5775 (Print)

ВАСИЛИЙ ОНУФРИЕВИЧ БАРЩЕВСКИЙ ВО ГЛАВЕ ПЕРВОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ В САМАРЕ XIX В. — УЕЗДНОГО УЧИЛИЩА

Л. М. Артамонова

Самарский государственный институт культуры,
г. Самара, Россия
artamonovoi@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению развития народного образования и становления профессиональной группы его работников и организаторов в России первой трети XIX в. Особое внимание уделено взаимосвязям школы, общества и власти. Методологической основой исследования стали теория модернизации, современные приемы «биографической истории» и «истории повседневности». На большой источниковой базе, включающей в основном архивные материалы, в статье рассмотрена административная и педагогическая деятельность В. О. Барщевского в Самаре, направленная на создание новой формы школьной организации. Во многом в результате его усилий в небольшом волжском городе было успешно создано Самарское уездное училище. Были налажены действенные каналы поддержки этого образовательного учреждения со стороны дворянской сословной корпорации и отдельных благотворителей. Шесть лет Барщевский занимал ответственную, с широким кругом обязанностей должность штатного смотрителя училища, был учителем первого класса, а также в разное время вел занятия в подготовительном классе и уроки Закона Божьего. На его примере видно, что отношения между работниками учебного ведомства, представителями властей и сословных корпораций приобретали достаточно сложные формы. В них отражались социальные, бытовые и личные проблемы. Жизнь и деятельность самарского учителя демонстрируют нелегкий путь становления провинциальной интеллигенции и зарождения у нее понимания своей общественной значимости, несмотря на бедность, житейские ссоры, обиды со стороны чиновников и привилегированных групп. Трудом первых провинциальных учителей процесс становления системы народного образования в России принял последовательный и необратимый характер.

Ключевые слова: Россия в XIX в., Среднее Поволжье, народное образование, культура, модернизация

Для цитирования: Артамонова Л. М. Василий Онуфриевич Барщевский во главе первой общеобразовательной школы в Самаре XIX в. — уездного училища // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 3. С. 15 — 24. EDN WSAOSV

Повсеместное наличие школ, устроенных в соответствии с веяниями Нового и Новейшего времени, наряду с промышленностью, железными дорогами и другими очевидными достижениями включается исследователями в «главные результаты модернизации» [9, с. 732]. Благодаря таким школам происходил переход от традиционных форм усвоения грамоты и социализации к современным. «Школа в России всегда ставила на первый план государственную задачу», вместе с тем в ее становлении роль общественности постоянно возрастала «в общем русле процессов модернизации» [8, с. 4, 19]. Не обошли стороной данные процессы и провинцию.

История старейшей общеобразовательной школы в любом городе не может не вызывать профессионального и общественного интереса. Однако первые страницы летописи Самарского уездного училища рассматривались долгое время местными историками и краеведами в качестве «темных времен умственного развития Самары в период ее жизни как уездного города» из-за недостатка «материалов для разработки этого вопроса» [1, с. 59 — 60].

Следует отметить, что данный период длился до 1851 г., когда Самара стала центром новой губернии [12, с. 89]. В 1990 — 2000-е гг. произошел «подъем интереса к истории, культуре и повседневной жизни» данного региона в целом [5, с. 13]. Он коснулся и «догубернской» Самары. При этом реконструкции подверглась и история Самарского уездного училища, что отразилось уже в обобщающих трудах по региональной истории [4, с. 425 — 428]. В последнее время внимание исследователей было обращено на создание уездных училищ и в соседних городах Самарского края, например в Ставрополе [15, с. 57], в том числе на ту роль, которую сыграли в их открытии почетные смотрители и иные благотворители [10, с. 26 — 27]. О создании таких учебных заведений или преобразовании в них прежних малых народных училищ [14, с. 107] писали другие историки Поволжья [3, с. 9 — 10] и иных регионов как юга [7, с. 16 — 17], так и севера России [6, с. 35 — 39].

В ряде публикаций уже упоминалось имя Василия Онуфриевича Барщевского — педагога и организатора первой в XIX в. общеобразовательной школы Самары. В данной статье с помощью современных методов «биографической истории» и «истории повседневности» более внимательно рассмотрена его организаторская и педагогическая деятельность в этом городе. Источниками для исследования послужили материалы из архивов Санкт-Петербурга, Казани и Оренбурга — Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО).

¹ ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 73. Оп. 2. Д. 13.

Деятели просвещения первой трети XIX в. (в том числе В. О. Барщевский) сыграли важную роль в возобновлении функционирования общегосударственной системы народного образования в Самаре и уезде. В сущности, общеобразовательную школу здесь надо было создать заново через четверть века после закрытия в городе в 1798 г. малого народного училища [2, с. 254 — 255]. Успех этой миссии привел к развитию школьного дела, не прерывавшемуся на протяжении XIX — XXI вв.

Принятые в 1804 г. Уставы учебных заведений предусматривали четыре их ступени, подведомственные Министерству народного просвещения: приходские училища, уездные училища, гимназии и университеты. Без участия, в том числе финансового, со стороны местных обществ открытие приходских и уездных училищ было невозможным, так как казна не оплачивала расходы на здания или помещения для них и на другие нужды. Самые активные благотворители и попечители училищ становились почетными смотрителями училищ на общественных началах, а повседневную деятельность школ организовывали принятые на жалованье штатные смотрители (заведующие) из числа профессиональных учителей [4, с. 424 — 425].

Уездное училище в Самаре появилось по инициативе и прошению, поданному в 1823 г., богатого местного помещика, отставного штабс-ротмистра А. А. Путилова, согласившемуся стать почетным смотрителем. Он же сделал щедрое пожертвование на постройку здания для школы¹.

Однако наладить учебу не удавалось до тех пор, пока 8 — 9 сентября 1824 г. Самару не посетил император Александр I. После того как монарх, которого уверили в скором открытии здесь училища, выехал в Оренбург в любимой коляске, запряженной четверкой почтовых лошадей, откладывать начало работы школы было уже нельзя [11, с. 92, 94].

Александр I в дороге в коляске, запряженной четверкой почтовых лошадей. Гравюра. XIX в.

Alexander I is on the road in a carriage drawn by four post horses. Engraving. XIX century
(URL: <https://aria-art.ru/0/A/Aleksandr%20I/3.html>)

24 ноября 1824 г. дирекция училищ Симбирской губернии, куда в качестве уездного города входила тогда Самара, обратилась с просьбой о переводе из Кавказской губернии В. О. Барщевского в качестве штатного смотрителя и учителя. Опытный педагог и администратор прибыл 23 января 1825 г. Ему было 32 года. Он родился в мещанской семье в Киеве, где в 1804 — 1813 гг. обучался в духовной академии «латинской и российской грамматике, поэзии и риторике, чистой математике, истории, географии, закону Божию и французскому языку». Затем он работал учителем в городах Северного Кавказа: Кизляре и Моздоке, в училище последнего в 1822 — 1824 гг. исполнял обязанности штатного смотрителя и преподавателя Закона Божьего. Из мещанского сословия еще в 1819 г. его исключили, поскольку он поступил на государственную службу «по учебной части». В 1822 г. он был произведен в чин коллежского секретаря (10-й класс Табели о рангах), что давало права личного дворянства. На Кавказе Барщевский дважды (в 1819 и 1822 гг.) удостоивался благодарности «за быстрые успехи вверенных ему учеников» и «за отличное усердие» от Совета Казанского университета, которому были подведомственны школы не только поволжских, но и кавказских городов. В 1824 г. он был награжден 200 руб. «за усердное отправление должности»².

К приезду первого учителя здание школы было построено по плану, утвержденному симбирским гражданским губернатором и университетским архитектором. Оно стояло «на видном месте, лицом к Волге», в феврале 1825 г. было освидетельствовано самарским городничим И. И. Соколовским, уездным землемером Бурцовым, городским головою Выдриным и оказалось «прочным, удобным для училища и красивым»³.

В соответствии со вкусами эпохи классицизма на фронтоне здания была написана картина, изображавшая сидящего Аполлона с лирою в окружении гениев и учебных инструментов. Над фронтоном возвышалась деревянная, окрашенная под белый мрамор голова богини мудрости Минервы. Античные образы на здании Самарского училища вызвали раздражение попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого. Он предложил правлению Казанского университета отдать распоряжение об уничтожении «картины Аполлона и головы Минервы», поскольку «христианские училища не должно украшать изображениями язычников»⁴.

Однако ректор университета К. Ф. Фукс, известный медик и ботаник, такое распоряжение издавать не спешил, а в 1826 г. Магницкого в должности попечителя учебного округа сменил М. Н. Мусин-Пушкин. Тот

*Л. Д. Крюков.
Портрет
К. Ф. Фукса.
1828 г.
Национальный
музей Республики
Татарстан
L. D. Kryukov.
Portrait
of K. F. Fuchs.
1828.
National
Museum of the
Republic
of Tatarstan*

обскурантизмом не отличался и на исполнении неразумных решений предшественника не настаивал.

У здания все же обнаружился существенный недостаток — все печи «оказались с большими трещинами»⁵. Выяснилось также, что училище не снабжено мебелью для классных комнат и различными учебными пособиями. Путилов взял перекладку печей и покупку мебели на свой счет.

Некоторые из горожан не стали ждать открытия училища, записав детей в него заранее, и просили штатного смотрителя не оставлять их без занятий. Уступая просьбам, Барщевский вместе с другим учителем Андреем Ивановым начали занятия в апреле 1825 г., чтобы познакомить учеников со школьным распорядком и определить степень их подготовки, которая оказалась у многих невысокой. Барщевский предложил устроить в школе дополнительный подготовительный класс, на что получил разрешение. В этот класс зачислили в итоге 49 учеников, а в первый класс — только 11 чел. Открытие второго класса отложили, поскольку учеников, готовых к обучению в нем, вообще не нашлось. С мая 1825 г. Барщевский вел в училище также уроки Закона Божьего. Его старания начальство не оставило незамеченными. Он был произведен в чин титулярного советника (9-й класс Табели о рангах)⁶.

Торжественное открытие училища в Самаре состоялось 30 августа 1825 г. Его приурочили ко дню поминовения небесного покровителя императора Александра I — святого князя Александра Невского [4, с. 426]. Этот день удачно предварял начало учебного года, а также являлся большим религиозным

² ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 92. Оп. 1. Д. 3007. Л. 11 об. — 13.

³ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 40. Д. 91. Л. 14, 15.

⁴ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 65. Л. 7 — 7 об.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 91. Л. 16.

⁶ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3007. Л. 13 об. — 14.

и государственным праздником со времен Петра I и закладки на берегах Невы новой столицы [13, с. 368].

За отсутствием пока учеников во втором классе, определенный в него по штату учитель Иванов вел занятия в первом. Соответственно, Барщевский проводил уроки не в первом, как предполагалось первоначально, а в подготовительном классе. Устав учебных заведений 1804 г. предусматривал создание элементарных школ самой низкой ступени — приходских училищ. На первых порах подготовительный класс играл именно роль приходской школы.

Кроме классных комнат, актового зала и служебных помещений в здании училища помещались квартиры учителей. Они могли разместить там свои семьи или поселять за плату учеников, что даже поощрялось, поскольку казенное жалование официально признавалось недостаточным. Устраняя конкуренцию в предоставлении, говоря современным языком, «образовательных услуг», Барщевский писал начальству, что некоторые чиновники в Самаре незаконно занимаются на дому обучением детей по неизвестным книгам и предметам, не слушают возражений штатного смотрителя и его угроз наложить штраф. Барщевский не только обвинял конкурентов в корыстолюбии, но и предупреждал, что те могут сеять вредные для церкви и правительства учения.

Казенных средств не хватало не только на достойное жалование учителям, но и на другие нужды училища. Важнейшей обязанностью штатного смотрителя стало побуждение местного общества, поначалу почти никак не участвовавшего в заботах об училище, к благотворительности на нужды просвещения. Барщевский полагал, что со стороны дворянства равнодушие к потребностям школы могло быть вызвано запретом проводить в здании училища благородные собрания без ведома вышестоящего школьного начальства. Актовый зал в училище был слишком велик для школьных нужд и задумывался Путиловым изначально для того, чтобы дворянство могло проводить в нем собрания. Барщевский просил руководство Казанского учебного округа разрешить использовать помещение для нужд этого сословия в вечернее внеурочное время. Он писал в Училищный комитет Казанского университета в сентябре 1826 г., что самарское благородное общество знает, что учителя прошлой зимой страдали «от сильной стужи в занимаемых ими квартирах в училищном доме», и стремится «на будущее время отвратить сии неудобства». Оно предложило произвести в здании необходимый ремонт, в том числе «перебрать во всем доме полы», в которых были «большие щели». Это встало бы в 300 руб. Кроме того, дворяне Самары обязались «ежегодно вносить в пользу училища по двести рублей» фактически арендной платы. Выписы-

М. Л. Магницкий. Попечитель Казанского учебного округа в 1819 — 1826 гг. Гравюра XIX в.

M. L. Magnitsky. Trustee of the Kazan School District in 1819 — 1826. Engraving. XIX century

(URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>)

ваемые дворянским обществом периодические издания также предполагалось отдавать в библиотеку училища, которая к тому времени уже включала 94 наименования различных изданий в 415 томах. В итоге из Казани последовало разрешение на проведение собрания дворянства в актовом зале школы⁷.

Не оставались без ответа обращения Барщевского к жителям города оказать посильную помощь. В мае 1826 г. директор училищ Симбирской губернии Александр Гапонов при осмотре Самарского училища констатировал наличие в распоряжении училища пожертвованной суммы в размере более 500 руб. Спустя два года он же отмечал заметные плоды усердной деятельности «самарского смотрителя Барщевского, с каковою он действует к пользе вверенного ему училища», не только «неутомимо надзирая за учебною частию», но и «ревностно приглашая к пожертвованиям». К июню 1828 г. в распоряжении училища находилось почти 2,5 тыс. руб., пожертвованные благотворителями. Часть суммы предполагалось потратить на приобретение недостающих пособий, в том числе глобусов и математических инструментов, а также книг и мебели⁸.

Самарское училище, в отличие от других уездных училищ губернии, считалось материально обеспеченным. Только «постоянная благотворительница» Путилова в 1828 г. подарила училищу 1500 руб. «на учебные пособия и мебель»⁹.

⁷ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 955. Л. 7 об.; Д. 968. Л. 1 — 2, 4.

⁸ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2477. Л. 103 об., 107 об., 108 об.; Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 955. Л. 7 об.

⁹ Там же. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 1155. Л. 45.

Число школьников в училище постепенно росло. На проверке, проведенной директором училищ Симбирской губернии в июне 1828 г., присутствовали 77 учащихся, из них в подготовительном классе — 53 чел., в первом — 13, во втором — 11 чел.

В связи с увеличением количества учеников штатный смотритель особое внимание уделял кадровому составу работников школы. При открытии штат училища включал двух учителей, продолжавших работать и в последующие годы. Иванов являлся учителем второго класса и рисования. Барщевский занимал должности штатного смотрителя и учителя первого класса, а также первые годы вел уроки Закона Божьего до назначения в декабре 1828 г. для преподавания этого предмета священника Цареградского. В начале 1827 г. в школе появился третий учитель Федор Гольдсмит, определенный в подготовительный класс. До того он служил старшим лекарским учеником в Симбирской врачебной управе. В уездном училище Гольдсмит выдержал испытание, Барщевский и Иванов сочли его сведущим в знаниях, необходимых для преподавания в подготовительном классе.

На учительские должности были и другие претенденты. Для проверки знаний и способностей Барщевский поручал им провести занятия в подготовительном и первом классах, Иванова просил проконтролировать эту своеобразную практику, чтобы предостеречься «от могущей произойти неуспешности учеников», и успокоить «родителей их, коим такие наставники, как наемники, не радящие об овцах, весьма не нравились». Те, кто «не мог преподавать с пользою», не были приняты на учительские должности¹⁰.

Предлагаемые в училище иностранные языки (немецкий и латинский) представителей дворянства устраивали не полностью, поскольку не изучался модный в благородном сословии французский язык. Однако ст. 89 Устава учебных заведений предусматривала, что «в уездных училищах с позволения начальства может быть умножено число учебных предметов и учителей, когда есть довольные к тому способы». На этом основании уже в 1825 г. была подана просьба «открыть при Самарском училище класс французского языка, согласно желанию самарского благородного общества». Преподавать этот предмет предполагалось «с производством платы от родителей учащихся»¹¹.

Учителем французского языка местное дворянство пожелало иметь зарекомендовавшего себя хорошим преподавателем иностранца Мартинета, который прошел испытание в Симбирской гимназии и получил там свидетельство на право заниматься частной преподавательской деятельностью. Штатный смотритель Барщевский к просьбе самарских дворян добавил, что

Л. Д. Крюков. Портрет Н. И. Лобачевского. 1839 г. Собрание Казанского университета

L. D. Kryukov. Portrait of N. I. Lobachevsky. 1839. Collection of the Kazan University

преподавание этого языка позволит получить дополнительную материальную помощь для училища от состоятельных жителей города. Совет Казанского университета поддержал эту просьбу в обращении к министру народного просвещения А. С. Шишкову и получил его согласие. После смерти Мартинета в 1829 г. «определен был учителем французского языка в Самарское уездное училище без жалованья от училища, но с производством платы от родителей, желающих обучать детей своих» иностранец Жан-Баптист де Маке, принявший русское подданство и уже занимавшийся домашним обучением. Правление Казанского университета дало ему разрешение на работу в Самарском уездном училище¹².

Правда, в 1827 г. этому назначению предшествовал острый конфликт Маке с Барщевским, когда штатный смотритель попытался запретить французу обучение детей в частном пансионе в связи с непредставлением необходимых документов на право открытия такого заведения. Конфликт был улажен вмешательством ректора Казанского университета знаменитого математика Н. И. Лобачевского и почетного смотрителя училища Путилова, потребовавших оказать частному учителю всевозможное содействие.

Маке и самарские дворяне, заинтересованные в его услугах, представили дело таким образом, что в Самаре нет пансиона, на открытие которого по закону требовалось специальное разрешение. Мол, учителя французского языка частным образом «выписала» помещица Неплюева «для своих детей и по просьбе родных»¹³.

¹⁰ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3234. Л. 11 об. — 12.

¹¹ Там же. Д. 1802. Л. 1 — 1 об.

¹² Там же. Ф. 977. Оп. Правление. Д. 2340. Л. 1 — 3.

¹³ Там же. Оп. Училищный комитет. Д. 1037. Л. 11 об.

Дж. Дю. Портрет А. С. Шишкова. 1826 — 1827 гг.
Государственный Эрмитаж
J. Doe. Portrait of A. S. Shishkov. 1826 — 1827.
The State Hermitage Museum

Училищный же комитет Казанского университета не препятствовал «обучать детей в домах родителей», поскольку Маке имел «на обучение юношества французскому языку надлежащее свидетельство». Оно было выдано ему в Московской губернской гимназии и удостоверяло, что француз «может обучать разговору, чтению и письму» на этом языке¹⁴.

Барщевский при этом получил выговор от руководства учебного округа за то, что посмел «беспокоить начальство» неучтивым письмом «к господину ректору университета». Имелось в виду его ответное письмо Лобачевскому, в котором штатный смотритель, хотя и с должной почтительностью, но прямо заявил, что готов содействовать Маке, но не знает, как это сделать, не нарушая закона. Однако он готов выполнить волю ректора, и даже «за счастье» почтет это сделать: «Пускай себе набирает и обучает, кого хочет». Училищный комитет университета возмутился: «Что он разумеет под словами: пускай себе набирает и обучает, кого хочет (подчеркнуто в источнике. — Л. А.) и проч.? Разве подозревает господина ректора в незаконном или пристрастном покровительстве иностранцу?» «Господин ректор по долгу начальника» только советовал оказывать французам «доброе расположение и без личностей действовать так, как повелевают Законы и Устав учебных заведений». За непонимание того, как

надо правильно реагировать на указания сверху, Барщевскому было сделано замечание, «чтобы он впредь не обременял начальство свое пустыми частными переписками»¹⁵.

Руководство учебного округа ничего не сделало и для того, чтобы защитить своего подчиненного от обид, которые тот претерпел от покровителей Маке в Самаре. Когда Барщевский в попытках воспрепятствовать преподавательской деятельности француза, еще не получившего официального разрешения, обратился за помощью к городничему, тот принял отношение от штатного смотрителя «со гневом», не расписался в получении «в разносной тетради», а бросил ее посыльному, сказав: «Твой смотритель с ума сошел; беспокоит меня не вовремя». Барщевский счел поведение и слова «городничего Соколовского за оскорбление себя», полученное «при выполнении долга службы». Он просил директора училищ Симбирской губернии А. И. Гапонова оказать ему «начальническую защиту». Осторожный Гапонов заявил, что «в Уставе учебных заведений нет ни одной статьи, на основании коей директор училищ мог бы давать нужную защиту в оскорблении должности и чести своих подчиненных». Он посчитал, что Училищному комитету Казанского университета виднее, как поступать в «упомянутом обстоятельстве», и не стал заступаться за своего соотрудника¹⁶.

Безнаказанность действий городничего в этом и, наверное, в других похожих случаях привела к более серьезным правонарушениям. В 1830 г. Соколовский, обвиненный во взяточничестве и злоупотреблениях, не дожидаясь проверки, которую должен был провести присланный из столицы следователь, застрелился [11, с. 93]. Поведение Барщевского, как видим, вовсе не напоминало низкопоклонство перед властями смотрителя училищ Хлопова из пьесы Н. В. Гоголя, да и приезд проверки из Петербурга привел Соколовского не к комичному, а трагическому повороту сюжета в отличие от городничего — персонажа гоголевского «Ревизора».

Принятие Маке в 1829 г. в училище преподавателем исчерпало формальную сторону конфликта, означало официальное признание его учительского статуса, на чем и настаивал Барщевский, не возражавший ни против преподавания французского языка, ни против самого Маке, воспитанники которого получали хорошую подготовку [4, с. 428]. Однако чувство незаслуженной обиды, несомненно, осталось. В том же году последовала просьба Барщевского «о перемещении его штатным смотрителем в одну из Сибирских губерний, в Грузию или в одно из Закавказских училищ»¹⁷.

Странные по географическому разбросу предпочтения, видимо, объясняются тем, что и на Кавказе, и в Сибири не было сложившихся корпораций русского дворянства. С ними и с зависимыми от них чиновниками больше не желал сталкиваться бывший киевский мещанин.

¹⁴ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 1037. Л. 19, 21.

¹⁵ Там же. Л. 14, 15 — 15 об., 16 об. — 17.

¹⁶ Там же. Л. 1 об. — 2.

¹⁷ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3007. Л. 1.

При рассмотрении просьбы о переводе директор Симбирских училищ Гапонов признал, что «штатный смотритель Самарского уездного училища титулярный советник Барцевский, во время четырехлетнего служения своего под ведомством Симбирской дирекции, ни в каких худых поступках замечен мною не был, ... должность свою исправлял и исправляет со тщанием, к чему и знания имеет весьма достаточные», хотя «в некоторых случаях обнаруживалась в нем строптивость характера»¹⁸. Однако неуживчивость Барцевского не имела исключительно психологическую окраску. Ее провоцировали и социальные причины, которые лежали в плоскости взаимоотношений штатного смотрителя с провинциальной знатью и администрацией. На характере и поведении Барцевского с другими людьми отрицательно сказывалась также бытовая и жилищная неустроенность.

Учительские квартиры располагались в здании училища, их жильцы вынуждены были мириться с теснотой, совместным пользованием кухней и другими подсобными помещениями, что приводило к ссорам, переносившимся с бытового уровня на служебный. Еще в 1803 г. А. И. Шестаков, служивший в разные годы директором народных училищ Саратова и Симбирска, в записке об улучшении дела образования в провинциальных городах специально оговаривал необходимость улучшения жилищных условий учителей. Он испытал «на себе всю тягость разбирать беспрестанные споры учителей, мирить их и никогда в том не успевать»¹⁹.

За четверть века после высказываний Шестакова мало что изменилось. Барцевский не имел семьи, но вместе с ним в квартире в Самаре жила родственница — «благородная женщина, дочь подполковника, бедная вдова» с двумя малолетними дочерьми. Другую квартиру занимал учитель Иванов со своей матерью, которая, по мнению Барцевского, и служила причиной «непокорности и ослушания» сына. Барцевский жаловался, что «довольствуясь с нею одною кухнею, амбаром и погребом», он постоянно замечал, как та «присваивает себе многое из его, смотрителя, имущества или распоряжается оным как собственным и что у него бочонками таскают квас, и разные жизненные припасы пропадают неведомо куда». В свою очередь сосед жаловался на смотрителя: «Наносит ему неприятности проживающая у смотрителя Барцевского женка Настасья Иванова, называющаяся его невесткою, наговаривая ему, смотрителю, на Иванова пустяки»²⁰.

Квартирные ссоры находили свое продолжение на службе. В 1830 г. директор Симбирских училищ сооб-

Неизвестный художник. Портрет М. Н. Мусина-Пушкина. Конец 1830-х гг. Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

Unknown artist. Portrait of M. N. Musin-Pushkin. Late 1830s. Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture

щал попечителю Мусину-Пушкину о жалобах Барцевского на учителя Иванова, отказавшегося «переписать набело в двух экземплярах Каталог училищной библиотеки» и исполнять другие «приказания в чреде службы и по особым поручениям». Штатный смотритель был недоволен, что Иванов «не оказывает ему ни должного повиновения, ни послушания», и заявил, чтобы от него не требовали «пособия в письменных делах»²¹.

Не дожидаясь ответа от начальства, Барцевский предпринял собственные меры воздействия на не желавшего заниматься училищным письмоводством Иванова, приказав сторожу вынести «из комнаты Иванова стулья». Смотритель указал, что учитель «пользовался мебелью из одного расположения к нему, смотрителю, что сей вправе всегда оную у Иванова отнять и что одному ему, смотрителю, только можно пользоваться казенною мебелью»²².

Возможно, причины, вызвавшие неприязнь Барцевского к Иванову, были связаны также с конфликтом с Маке. Дело в том, что в поисках дополнительного заработка Иванов устроился в пансион француза, «дабы тем приобрести пособие к более приличному содержанию себя и матери»²³.

Имелись проблемы во взаимоотношениях штатного смотрителя и с другими учителями. Барцевский был склонен их приписывать отрицательному влиянию Иванова, называя того «распутным, развратным, очерненным, шатущим бунтовщиком всех учителей»²⁴. Возможно, в поведении смотрителя что-то заставляло сотрудников сочувствовать более не ему, а Иванову.

¹⁸ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3007. Л. 3.

¹⁹ Там же. Д. 26. Л. 30 об.

²⁰ Там же. Д. 3234. Л. 4 — 5, 8 об.

²¹ Там же. Л. 2 об.

²² Там же. Л. 3 — 3 об.

²³ Там же. Л. 11 об.

²⁴ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3234. Л. 3 об.

Вскоре Иванов стал просить начальство «исходатайствовать ему перемещение в другое училище, ибо для него обида сия весьма оскорбительна и служба под начальством смотрителя Барщевского чрезвычайно тягостна, под другим же начальством надеется он заслужить лучшее одобрение». До вынесения решения по этой просьбе он выразил готовность перейти на частную квартиру, но только в том случае, если ему будет выдаваться от казны положенное количество дров и свечей бесплатно²⁵.

Просьба же Барщевского о новом месте службы медленно шла по бюрократическим путям. Попытка ускорить это прохождение закончилась для него новой неприятностью. Ему объявил выговор министр народного просвещения князь К. А. Ливен за то, что самарский штатный смотритель, «подав прошение гражданскому губернатору (о переводе. — Л. А.) мимо своего начальства, не соблюл должного по службе порядка»²⁶.

В 1830 г. случилось чрезвычайное событие. Эпидемия холеры, унесшая жизни сотен жителей Самары, не пощадила и местных учителей. При этом Барщевский, как и Иванов, переболел ею, остались живы. Более того, штатный смотритель оставил интересные записки о том, что происходило в то время в городе [4, с. 448].

Однако совместно пережитая смертельная опасность не сблизила Барщевского и Иванова, а еще более обострила конфликт между ними, что делало невозможным их работу в одном училище. Штатный смотритель заявил, что «Иванов натаскал в училище холеры, чем было и других погубил»²⁷.

Вместо того чтобы соблюдать карантин, Иванов, по словам Барщевского, «непрестанно шатался везде сам и к себе принимал приказных». Он «проводил с ними время у себя в квартире до глубокой ночи, производя несносный шум, песни, свисты и разные непристойности», в результате сам первый заболел холерой, которая затем перешла на смотрителя и его родственников. Иванов заступался за приятелей: «Поведение сих чи-

новников их местному начальству известно с хорошей стороны и я никогда не поставлю себе за стыд иметь с ними знакомство; к сему надобно присовокупить и то, что ни один из них не был подвержен холере, во все время ее существования, ... когда кто из них ко мне приходил, то шуму, песней, свисту и непристойностей не было, а были одни пристойные разговоры». Также Иванов попытался представить в более благоприятном свете и свое поведение: «Случается, что, сидя один, пою стихи из книг, употребляемых при богослужении, а по большей части читаю почти ежедневно и довольно громко всеобщую географию, разложив перед собой карту»²⁸.

В данном случае объяснения Иванова вызывают сомнения. Отличить свист от громкого чтения учебника географии или церковных песнопений в комнате по соседству Барщевскому было не трудно.

Не улучшилось отношение штатного смотрителя к городской администрации, которую он резко и открыто критиковал за упущения в борьбе с холерой. Все это ускорило отъезд Барщевского из Самары. В 1831 г. в должности штатного смотрителя уездного училища его сменил П. К. Сычугов [4, с. 428].

Барщевский предпочел вернуться на Кавказ и оставить педагогическую деятельность. В 1840-е гг. он служил секретарем уездного управления в г. Баку²⁹.

Таким образом, годы, проведенные Барщевским в Самаре, стали важной вехой в истории культуры и просвещения края. Во многом именно благодаря его трудам процесс становления системы народного образования, в основе которого стояло уездное училище, принял необратимый характер. Вместе с тем в его биографии отразился типичный для России нелегкий путь становления пока еще узкого слоя провинциальной интеллигенции, зарождения у нее чувства собственного достоинства и значимости, несмотря на бедность, жизненные неурядицы, недооценки ее роли со стороны чиновничества и привилегированных общественных слоев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алабин П. В. Самара: 1586 — 1886 годы. Самара: Кн. изд-во, 1991. 248 с.
2. Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII — начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2001. 392 с.
3. Бирюкова А. Б. Государственные образовательные учреждения в городах Среднего Поволжья в конце XVIII — первой четверти XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 4. С. 5 — 14.
4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1: Самарское Поволжье в XVI — первой половине XIX вв. / П. С. Кабытов [и др.]. Самара: Слово, 2020. 480 с.

²⁵ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3234. Л. 4.

²⁶ Там же. Д. 3007. Л. 16 об.

²⁷ Там же. Д. 3234. Л. 3 об.

²⁸ Там же. Л. 12 об. — 13.

²⁹ Кавказский календарь на 1847 год. Тифлис, 1846. С. 196.

5. Изучение истории Самарского края XVI — начала XX вв.: историографический обзор / П. С. Кабытов [и др.] // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 2. С. 8 — 24.
6. Калинина Е. А. Уездные училища Олонекской губернии в системе просвещения России в первой половине XIX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3 (56). С. 35 — 39.
7. Коваленко В. В. Первые ведомственные учебные заведения в Севастополе // Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б: Новая и Новейшая история. 2019. № 28. С. 11 — 23.
8. Куршева Г. А. Общество, власть и образование в России в конце XIX — первой трети XX в. (на примере мордовского края): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2007. 47 с.
9. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.
10. Смирнов Ю. Н. Безвозмездная служба по учебной части как «социальный лифт» в дореформенной России: введение должности почетных смотрителей уездных училищ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 23 — 32.
11. Смирнов Ю. Н. Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на восток // Родина. 2011. № 7. С. 91 — 94.
12. Смирнов Ю. Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII — первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1 (3). С. 75 — 92.
13. Смирнов Ю. Н. Христианские святые в символике исторической памяти о Великой Победе // Память о прошлом — 2020: сб. докл. и сообщений IX ист.-архив. форума. Самара: РГА в г. Самаре, 2020. С. 365 — 370.
14. Шукин Д. С. Борьба за просвещение: светские и духовные училища конца XVIII — первой четверти XIX в. (на примере уездного города Саранска) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2020. С. 105 — 108.
15. Якунин В. Н. Традиции духовно-нравственного образования и патриотического воспитания в Ставрополе-Тольятти: история и современность // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (13). С. 57 — 63.

Информация об авторе:

Людмила Михайловна Артамонова, профессор кафедры культурологии, музеологии и искусствоведения Самарского государственного института культуры (443010, Россия, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, artamonovoi@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 19.06.2023.

Original article

VASILY ONUFRIEVICH BARSHCHEVSKY AT THE HEAD OF THE UYEZD SCHOOL — THE FIRST COMPREHENSIVE SCHOOL IN SAMARA IN THE XIX CENTURY

L. M. Artamonova
Samara State Institute of Culture, Samara, Russia
artamonovoi@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the development of public education and the formation of a professional group of its workers and organizers in Russia in the first third of the XIX century. Particular attention is paid to the interrelationship between the school, the society and the government. The methodological basis of the study was the theory of modernization, actual techniques of “biographical history” and “history of everyday life”. Based on a large source base, which includes mainly archival materials, the article deals with the administrative and pedagogical activities of V. O. Barshchevsky in Samara, aimed at creating a new form of school organization. Largely as a result of his efforts, the Samara Uyezd School was successfully established in a small Volga city. Effective support for this educational institution was received from the noble class corporation and individual benefactors. For six years, Barshchevsky held the responsible position of a full-time superintendent of the school with a wide range of duties, was a first grade teacher and also at various times taught classes in the preparatory class and

lessons of the Law of God. His example demonstrates that relations between employees of the educational department, representatives of the authorities and class corporations acquired rather complex forms. They reflected social, domestic and personal problems. The life and work of the Samara teachers demonstrate a difficult path of the formation of the provincial intelligentsia, the rise of the perception of their social significance, in spite of poverty, everyday troubles, insults from officials and privileged groups. Thanks to the works of the first provincial teachers, the process of formation of the public education system in Russia assumed a consistent and irreversible character.

Keywords: Russia in the XIX century, the Middle Volga Region, public education, culture, modernization

For citation: Artamonova LM. Vasily Onufrievich Barshchevsky at the head of the uyezd school — the first comprehensive school in Samara of the XIX century. *Center and Periphery*. 2023;18(3):15—24. EDN WSAOSV

REFERENCES

1. Alabin PV. Samara: 1586 — 1886. Samara;1991. (In Russ.)
2. Artamonova LM. Society, power and education in the Russian province in the XVIII — the early XIX centuries (Southeastern governorates of European Russia). Samara;2001. (In Russ.)
3. Biryukova AB. State educational institutions in the cities of the Middle Volga Region at the end of the XVIII — first quarter of the XIX centuries. *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*. 2021;3(4):5—14. (In Russ.)
4. Kabytov PS [et al.]. History of the Samara Volga region from ancient times to the present day in 2 volumes. Vol. 1. Samara Volga region in the XVI — the first half of the XIX centuries. Samara;2020;1. (In Russ.)
5. Kabytov PS [et al.]. Studying of the history of the Samara region from the XVI to the early XX centuries: a historiographical review. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2020;26(2):8—24. (In Russ.)
6. Kalinina EA. County schools of the Olonets province in the educational system of Russia in the first half of the XIXth century. *Cherepovets State University Bulletin*. 2014;(3):35—39. (In Russ.)
7. Kovalenko VV. The first departmental educational institutions in Sevastopol. *Black Sea region. History, politics, culture*. 2019;(28):11—23. (In Russ.)
8. Kursheva GA. Society, power and education in Russia at the end of the XIX — the first third of the XX century (on the example of the Mordovian region). Abstract of the dis. ... Dr. of Hist. Sci. Cheboksary, 2007. (In Russ.)
9. Mironov BN. Russian Empire: from tradition to modernity in 3 volumes. St. Petersburg;2018;3. (In Russ.)
10. Smirnov YuN. Free teaching service as a “social elevator” in pre-reform Russia: the introduction of honorary wardens in district schools. *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2017;(4):23—32. (In Russ.)
11. Smirnov YuN. It is not bad for a wheelchair inhabitant to ride on water. Journey of Alexander I to the East. *Rodina*. 2011;(7):91—94. (In Russ.)
12. Smirnov YuN. The policy of the colonization of the Trans-Volga region and the organization of its territory management in the XVIII — the first half of the XIX centuries (main stages). *Bulletin of the Samara State University*. 1997;(1):75—92. (In Russ.)
13. Smirnov YuN. Christian saints in the symbolism of the historical memory of the Great Victory. *Memory of the Past — 2020. Proceedings*. Samara;2020:365—370. (In Russ.)
14. Shchukin DS. The struggle for enlightenment: secular and spiritual schools of the late XVIII — first quarter of the XIX century (on the example of the uyezd town of Saransk). *National cultural heritage of Russia: regional aspect. Proceedings*. Samara;2020:105—108. (In Russ.)
15. Yakunin VN. Traditions of spiritual and moral education and patriotic education in Stavropol-Togliatti: history and modern situation. *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*. 2019;(4):57—63. (In Russ.)

Information about the author:

Ludmila M. Artamonova, Professor of Department of Cultural Studies, Museology and Art History of the Samara State Institute of Culture (167 Frunze Str., Samara 443010, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>, artamonovoi@mail.ru

Conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

The article was submitted 17.05.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 19.06.2023.